

«ЧЕРНАЯ ДЫРА»: ТУПИК БЕСКОНЕЧНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Горбулин Владимир Павлович,
доктор технических наук, профессор, академик НАН Украины

Не надо обманчивых грез,
Не надо красивых утопий;
Но Рок поднимает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?
Валерий Брюсов (1914)

Тянувшаяся более года война на Донбассе уже относительно давно перешла в затяжную фазу, когда основная часть ее участников исчерпала свои ресурсы и «домашние заготовки».

Сегодня физики и астрономы широко используют новое понятие «черная дыра». В ней сила притяжения столь велика, что не позволяет покинуть ее даже объектам, которые движутся со скоростью света, т.е. фотонам или квантам света.

Донбасс (имея ввиду не столько территорию, сколько обобщенное название конфликта и всех его составляющих) становится настоящей «черной дырой», сила притяжения которой не отпускает даже мощные кванты-субъекты геополитики.

То, что эта «черная дыра» была создана на территории Украины одним из таких «квантов» – история известная. Показательно другое – некоторые «кванты» (включая и тот самый, который инициировал все это) сочли себя выше законов физики и решили, что именно их дыра не затянет. Затянула и будет держать и дальше, причем весьма цепко и жестко.

Не следует заблуждаться и пенять только на свою украинскую «черную дыру». Подобных мест на нашей Земле немало. Думаю не стоит их перечислять. Поэтому вернемся в свой треугольник: Росси–ЕС–Украина

Россия: «умираю, но не сдаюсь»?

Для России потенциальная «маленькая победоносная война» уже обернулась настоящим геостратегическим кошмаром новой «Холодной вой-

ны» и производной внешнеполитической шизофренией, а также международно-политической (полу)изоляции. Более того, как верно отмечают даже российские обозреватели, военная агрессия России против Украины продемонстрировала диаметрально противоположное тому, чего бы хотелось российское руководство – это явный показатель слабости, а вовсе не силы России как страны в целом, так и кремлевских элит в частности.

Гибридный метод ведения войны, успешно опробованный в Крыму, дал настолько ужасающе безуспешный результат на Донбассе, что российские элиты еще даже не приблизились к реальному осознанию этого, хотя ощущение надвигающейся катастрофы уже есть.

Экономическая блокада Украиной оккупированных территорий, даже при всей ее условности и полупрозрачности, дает результаты – ответственность (прежде всего – экономическую) за территории все больше несет Россия. Безусловно, и раньше и сейчас эти «республики» жили за счет России, однако до определенного момента они, пользуясь своим двойственным состоянием, вытягивали ресурсы и из Украины. Экономическая блокада поставила как самих боевиков-«ополченцев», так и их кремлевских хозяев в достаточно сложное положение. «Образцово-показательные» гуманитарные конвои из красивой картинки внезапно превратились в реальную потребность – и население на оккупированных территориях стало практически требовать новой «гуманитарной помощи».

Вожаки ДНР/ЛНР оказались настолько не приспособленными хоть к сколько-нибудь системному управлению контролируемые ими территориями, что это является постоянной головной болью Кремля. Москва вынуждена держать там перманентный контингент не только своих «военспецов», но даже управленцев-администраторов, а самих лидеров ДНР/ЛНР структурировать как на школьном собрании – поэтапно, с разъяснением и контролем каждого шага. В общем-то это и не удивительно – традиционная неразборчивость Москвы в средствах и людях дает свои горькие плоды. Сложно требовать эффективного управления целыми регионами от бывших собственников ларьков, работников автозаправок или охранников супермаркетов.

Кроме того, против России играет выпестованная, в том числе и российскими медиа (прежде всего телевидением как главным «зомбоящиком»), глубоко патерналистская модель поведения жителей Донбасса. Данная поведенческая модель тесно связана со стойким убеждением, что всех накормит и оденет некий трансцендентный «отец родной», в образе которого постоянно находится В. Путин, – главное «хорошо себя вести» и внимать всему, что он вещает. При этом все поддерживавшие создание ДНР/ЛНР, искренне считают, что вели себя «хорошо» и будут весьма агрессивно требовать от «отца-батюшки» исполнения его части неформального договора.

Однако эта лишь контурные штрихи на фоне иных сложностей Кремля. Скажем, что делать со всеми теми российскими «добровольцами» (мнимыми и реальными), которые сейчас воюют на территории Украины? Период благостного отношения к ним явно заканчивается, о чем свидетельствует одно из системно продвигаемых требований Москвы к руководству ДНР/ЛНР о создании теми своих пограничных войск. И вовсе не для контроля за линией разграничения с Украиной, – но для внутреннего контроля за «своей» границей с Россией. Основная задача – не допускать возвращения «ветеранов» в Россию. Что делать со всеми этими боевиками в России явно не знают – пока что найти им применение не удастся. А люди, еще вчера стрелявшие в других людей, и вдруг оказавшиеся не у дел, могут начать думать и не в благоприятном для российского руководства направлении (что показывают даже выступления Стрелкова-Гиркина). Рассчитывать, что они поднимут вооруженный бунт, конечно же, не приходится. Однако вероятность того, что они могут усугубить ситуацию в сфере жесткого криминала и межэтнических отношений, более чем высока.

Этому будет способствовать и то, что акцентирование российского руководства на украинском кризисе и поиске выхода из внешнеполитического цугцванга пусть и частично, но ослабляет внимание к целому ряду внутрироссийских проблемных вопросов. К ним относится, прежде всего, проблема Северного Кавказа.

В прежние годы Кремль любые спорные проблемы пытался решать, прежде всего, за счет вливания дополнительных средств, появлявшихся от сверхприбыльной торговли энергоносителями. Теперь эта ситуация существенно ухудшилась, что является уже прямым следствием событий в Крыму и на Донбассе.

Введенные Западом против России экономические санкции действенны, как бы не хотела убедить в обратном Москва своих соотечественников, да и всех, кто готов слушать. Усложнение доступа к дешевым кредитам, резкое падение курса рубля, экономический кризис в самой РФ – это лишь первые следствия действий Запада против нецивилизованного поведения РФ на международной арене вообще и против ее вторжения на нашу территорию в частности. Между тем, эти проблемы будут становиться все серьезнее. Ведь без существенной модернизации российской экономика (чего не наблюдается, а разговоры об «импортозамещении» оказываются лишь очередной «потемкинской деревней») и дальше будет лишь эксплуатировать природные богатства страны, завися от крайне неустойчивой/нестабильной внешнеторговой конъюнктуры и падающих цен на энергоресурсы. За последние месяцы торговый оборот России с ЕС (ее главным торговым партнером) сократился на треть. Попытки Путина вернуть в страну деньги российских олигархов провалились – в 2014 году отток капитала из России составил рекордную сумму в 150 млрд долл.

И именно поэтому Россия столько сил прилагает для того, чтобы снять с себя санкции, для чего пытается найти и использовать любую лазейку.

В целом же это подводит к другой макропроблеме России – ее отношениям с Западом. Очень похоже на то, что российское руководство действительно уверовало в то, что ее энергоресурсы, ядерное оружие и важная роль в решении ряда международных проблем и кризисов (Иран, Сирия, Ливия) делают ее игроком, недостижимым для угроз и давления со стороны Европы и США. Реальность оказалась более чем прозаичной – и это особо болезненно переживает зазнавшаяся российская элита. Отношения с Западом испорчены настолько обстоятельно, что даже российские эксперты говорят о вынужденном существовании в этой новой внешнеполитической реальности как о долгосрочной перспективе без видимого прогресса. Точнее до тех пор, пока не будет решена хотя бы проблема Донбасса.

Эксперты Российского совета по международным делам отмечают, что самое «простое» для России решение донбасской проблемы (прямая военная интервенция с целью ускорить развитие событий) будет иметь катастрофические внешнеполитические последствия, поскольку приведет к окончательному разрушению связей между Западом и Россией. Посему для России

конфронтационный сценарий – самое рискованное из всего, что можно выбрать.

Следует учитывать и то, что практические результаты попытки России быстро переориентироваться с отношений с Западом на Восток (прежде всего – на Китай) оказались далекими от оптимистических ожиданий. Китай умело и все более полно пользуется слабостью России и отсутствием у нее пространства для маневра, навязывая свои условия по всем фронтам. Особенно показательны торги вокруг энерготранзитного проекта «Сила Сибири», где с каждым следующим заявлением «Газпрома» становится очевидна жесткость Пекина в переговорах с явно ослабленным «партнером». Газовый фактор вообще становится все менее однозначным. Последовательное сокращение Украиной и Европой закупок газа, желание Китая (развивающего свои технологии добычи сланцевого и снижающего общий уровень импорта энергоресурсов) сыграть на этом – все это может привести к тому, что России придется пересматривать свои геостратегические доктрины, в которых фактически закреплена роль энергоресурсов как принципиально-го инструмента внешнеполитического давления.

Однако все вышеперечисленное не означает, что Россия готова отказаться от своей политики в Донбассе полностью. Допустить военного поражения ДНР/ЛНР Кремль не может себе позволить, поскольку это будет означать самое мощное (явное/видимое) поражение Москвы на постсоветском пространстве, ставящее под принципиально серьезный вопрос все дальнейшие реинтеграционные планы и проекты Кремля на евразийском направлении.

ДНР/ЛНР, по мнению Кремля, является долгосрочным дестабилизирующим фактором, который благодаря синергии с другими факторами должен расшатать и разрушить Украину изнутри. Например, явной задачей «пушечного мяса» (чем считают «ополчение Новороссии» российские военные стратеги) является нанесение урона (прежде всего – среди личного состава) ВС Украины, ослабляющего нашу армию и ее боевой дух, а также обостряющего внутривнутриполитическую обстановку и социальное напряжение в Украине в целом.

Впрочем, хотя Россия продолжает концентрировать на границах контролируемых ими двуединого сепаратистского анклава ДНР/ЛНР изрядные военные силы, маловероятно, что она рискнет разорвать донбасский «гордиев узел» стремительным «кавалерийским наскоком». Ибо, как уже отмечалось выше, перспективы такой «кавалерийской атаки» неоднозначны не только в военном смысле, но и в последствиях внешнеполитических. В целом, Россия уже достаточно давно потеряла темп, кураж и драйв в провоцировании вооруженного кризиса на территории Украины, перейдя к затяжной игре вокруг «статус-кво». И скорее всего, как и во всем остальном, тут можно ожидать неординарных решений, претендующих

на тактическую успешность. Однако таковые решения косвенно, но традиционно ведут к стратегическому ослаблению России – это вечная проблема низкой стратегической культуры, характерной и для позавчерашней царской России, и для вчерашнего Советского Союза, и для сегодняшней Российской Федерации.

Европейский Союз(ник): перезагрузка мышления?

Не только Россия испытывает на себе действие «черной дыры» Донбасса – он притянул к себе и ЕС, который так же вынужден рефлексировать свои действия в этом конфликте.

Ключевое – донбасский конфликт вырвал европейцев из степенного процесса саморазвития. Крым и Донбасс окунули их в иррациональный (с их точки зрения) конфликт, вынудили отказаться от традиционной политики лавирования в пользу однозначных позиций и нейтральных оценок. И, надо сказать, здесь есть определенный прогресс. Сложно не вспомнить события прошлой весны-лета с постоянными «озабоченностями» и «встревоженностями» европейского политического бомонда. На сегодня риторика существенно изменилась – и европейцы больше не боятся публичности терминов «российская агрессия», «пропаганда Кремля», «аннексия», «трибунал».

Как бы там ни было, конфликт на Донбассе породил для ЕС целый ряд внутренних и внешних сложностей, которые могут оказать существенное влияние как на Евросоюз как таковой, так и на отдельные его страны-члены.

«...за исключением нескольких стран, правительства европейских столиц не думают и не действуют стратегически. Откуда в таком случае взяться амбициям по формированию внешней политики, особенно на уровне ЕС?» – поставим проблему вместе с Джуди Демпси, старшим научным сотрудником европейского Центра Карнеги и главным редактором блога «Стратегическая Европа»: *«...вместо выработки общего стратегического видения внешней политики ЕС, страны-члены пошли по прямо противоположному пути. Если у европейских государств и есть внешнеполитические цели, то они основаны на их внутреннем видении, узких интересах и краткосрочных задачах. Эти амбиции мало сопряжены с защитой силы Европейского союза, хотя это именно то, чем они должны заниматься»¹.*

«Благодаря» украинскому кризису все отчетливее стали проявляться внутренние конфликты в самом ЕС. Лишь после событий 2014 года и попыток Кремля повлиять на восточноевропейскую политику Брюсселя стали понятны все мас-

¹ *Dempsey J. Europe's Pathetic Lack of Foreign Policy Ambition // Judy Dempsey's Strategic Europe, August 7, 2015 <http://carnegieeurope.eu/strategieurope/?fa=60952> (Перевод <http://nv.ua/opinion/Dempsey/pochemu-es-zakryvaet-glaza-na-ugrozu-u-svoih-granits-63091.html>)*

штабы проникновения Москвы в политикум ЕС, а особенно на уровень его отдельных стран (от Греции или Чехии до Франции и Германии). Безусловно, в той или иной мере и раньше были известны симпатии Кремля, однако никто не мог представить, какие масштабы это приобретает.

Образно говоря, Россия выстроила новый «КомИнтерн» общеевропейского масштаба (подобный сталинскому КомИнтерну 1930-40-х гг.), который существенно влияет как на политики отдельных европейских стран, так и на Евросоюз в целом. Как не вспомнить максиму уважаемого В. С. Черномырдина о том, что «Россия со временем должна стать еврочленом». Как оказывается, Россия оным, пусть косвенно, но таки стала...

Не только депутаты Европарламента, но целые политические силы отдельных стран (вроде «Национального фронта» во Франции или «СИ-РИЗА» в Греции) оказываются под плотной опекой Москвы, которая пытается таким образом нарушить европейское единство. Брюссель пока старается делать вид, что масштабы этого несущественны/незначительны, но рано или поздно (а учитывая затяжной характер конфликта на Донбассе, это произойдет обязательно) с этой проблемой придется столкнуться всерьез.

Донбасс – это еще и экономический и социальный вызов для Евросоюза, вместе с Соединенными Штатами взявшего на себя своеобразную ответственность за Украину. Масштабный конфликт, переходящий в хроническую стадию, подтачивает экономический потенциал Киева, требуя регулярных вливаний в украинскую экономику все новых и новых траншей и кредитов. Кроме того, очевидно – чем дольше продолжается конфликт, тем выше цена потенциальной реинтеграции оккупированных территорий в состав Украины. У нас отсутствуют серьезные «свободные средства» на восстановление крайнего проблемного региона – и их не предвидится даже в среднесрочной перспективе. Россия же в развитии Донбасса вообще никогда не была заинтересована, что четко показала в первые же месяцы конфликта масштабным воровством и вывозом на свою территорию технопарка всех более-менее интересных и перспективных предприятий региона, затоплением шахт, разрушением инфраструктуры и т.п.

Еще одна проблема – внутренние противоречия в ЕС, которые регулярно возникают на фоне перспектив продолжения и/или усиления санкций Евросоюза против России. Отдельные страны-члены, экономика которых сильно зависит от торговли с Россией, почти открыто заявляют о нежелании дальше участвовать в этом формате давления, поскольку он осуществляется и за их счет.

При этом как отмечают европейские аналитики², санкции не должны быть «барометром» рос-

сийского поведения в Украине – «устойчивость и твердость санкций является гораздо более важным, чем их интенсивность в любой из заданных точек». Их цель даже не смена режима в Москве (поскольку это вряд ли приведет к характеру переосмысления себя перманентно имперско-мыслящей Россией), но показать, что Запад не доволен поведением России и как следствие – для нее уменьшают пространство для маневра.

Украина: воспоминания о будущем

*Будущим мы грезим, а современным гордимся:
мы стремимся к тому, чего нет,
и пренебрегаем тем, что есть,
как будто прошлое сможет возвратиться назад,
или очевидно должно осуществиться ожидание.*

Григорий Сковорода

По-своему парадоксально, но выйти из сложившейся ситуации достойно есть шанс, прежде всего, у самой Украины. Теперь мы действительно можем констатировать, что военного решения для Украины эта проблема не имеет или практически не имеет. Что, впрочем, не означает, что Украине следует игнорировать постоянную военную угрозу/опасность со стороны России – это очень долгосрочная реалья нашего бытия, от осознания которой будет зависеть выживаемость страны в целом. А тем более – с учетом объявленной многомиллиардной модернизации ВС РФ в привязке к принятой в конце декабря 2014 г. Военной доктрины РФ.

Российская агрессия выдернула Украину и наши элиты из комфортного состояния «самодостаточности», характеризующегося набором неких иллюзорных, несколько идеалистических представлений о мировой политике, и жестко толкнула к осознанию себя в терминах практически классических теорий реализма и практик «реал политик».

«Будущее – это тщательно обезвреженное настоящее», – писали братья Стругацкие. Из украинской политики – внешней, внутренней, военной – весьма жестко выдавливается неосознанная иррациональность «прошлого» и приходит осознанная рациональность «будущего». Например, выбор НАТО – это уже не тема идеологического дискурса для Украины – это все глубже осознаваемая, исходя из реального состояния военно-политической ситуации, необходимость в безопасности. Точно так же Украина будет рационально/осознанно подходить и к вопросу решения конфликта на востоке страны – с позиций жесткого прагматизма.

Не будет преувеличением сказать, что именно этот неожиданный прагматизм и взвешенная жесткость и стали наибольшим шоком – причем не только для российского руководства, но и для наших западных партнеров. Но если последние принимают это, то Россия все еще цепляется за образ Украины как некой потешной

²http://www.ecfr.eu/article/commentary_the_limits_and_necessity_of_europes_russia_sanctions3091

«недостраны» (как высказался когда-то об этом В. Путин). И чем дальше она будет это делать, тем хуже для нее.

Отсюда и абсолютно четкая и понятная позиция Украины: стратегически не идти на поводу у Кремля и тактически не играть с ним по Донбасской проблеме по его сценарию. Уже ясно, что «возврат любой ценой» – это бесперспективная для Украины позиция. Безусловно, альтернативные радикальные сценарии вроде «пусть уходят вообще» также далеки от конструктива. Однако реинтеграции Донбасса в состав Украины на условиях России однозначно не будет.

«Донбасский синдром»: национальный катарсис?

Следует сказать откровенно: оккупированные территории с исключительно экономической точки зрения перестали представлять существенный интерес для Украины. Фактически, мы уже научились (хотя и не всегда просто) так или иначе обходиться без них и строить свои экономические стратегии и реализовывать торгово-экономические и валютно-финансовые проекты без их ресурсного потенциала.

Донбасский конфликт косвенно оказал и серьезное психотерапевтическое воздействие (своеобразный трансрегиональный «катарсис») – долго выпестовыванный региональными элитами и лелеемый верящим им населением миф относительно того, «кто кого кормит», был разрушен жестким столкновением с суровой реальностью. Причем это все глубже понимают, в первую очередь, сами жители оккупированных территорий.

«Донбасский синдром» как проблема общенационального/общегосударственного масштаба сегодня – это не только и не столько прикладной вопрос прекращения огня, что, конечно, важнейшая задача во имя сбережения человеческих жизней. Год войны принципиально изменил этот регион, и прежде всего тот его территориальный сегмент, который силой чужого оружия контролируют боевики. И сложно даже приблизительно сформулировать весь перечень проблем, с которыми этот регион и, почти неизбежно, остальная Украина в силу весьма призрачной разграничительной линии столкнется уже в ближайшее время. И если Украина как таковая еще как-то будет пытаться решать накапливающиеся проблемы, то кто будет этим заниматься на «отдельных территориях Донецкой и Луганской областей», усугубленных «особым статусом», – увы, неясно. Не боевики, конечно, – но и не Россия, ведь она сама испытывает целый комплекс проблем, порожденных Крымом и Донбассом (о чем чуть ниже).

К порожденным «донбасским синдромом» вызовам и угрозам прежде всего следует отнести существенное перераспределение социальных ролей и социальной значимости и статусности профессий. Долгие годы в украинском обществе

господствовало неоднозначное отношение, например, к военным. С началом агрессии и производного процесса формирования реальной и боеспособной армии этот вопрос практически исчез с повестки дня. Зато учитывая практически полное прекращение (вследствие боевых действий) работы многих предприятий и даже отраслей, Украину ждет серьезнейшая социально-классовая «инмутация». Например, это уже начинает касаться социально-экономической роли и экономико-социальной значимости «шахтерства» в Украине, которое так или иначе все годы независимости было фактором, в т.ч. и политической жизни страны. Явно могут пострадать представители так называемого «креативного класса», чье материальное преуспевание и социальное положение остро тесно коррелируются/соотносятся с общей экономической ситуацией в стране и чьи услуги/потенциал наиболее востребованы в развивающейся экономике.

Сюда же можно отнести и проблемы, связанные с вынужденными переселенцами. Речь даже не о социально-экономических проблемах их обустройства «на местах», но прежде всего о сугубо социально-психологической адаптации как самих переселенцев, так и встречной адаптации жителей/населения тех мест, куда переселенцы прибывают. Трения на этой почве периодически возникают – и это во многом естественно, когда большие массы людей, выдернутые из привычных для них «мест обитания» и традиционных форм существования, оказываются в новых условиях, требующих нового «обретения себя».

Сложно не отметить (правда, по большей части эта проблема касается региона, охваченного конфликтом) и проблемы людей пожилого возраста – с одной стороны, и рост количества сирот и беспризорников (что при разрушенной системе работы с ними может способствовать росту преступности) – с другой. Усугубляющим эту двудединую проблему фактором является также целый комплекс вопросов, связанных с социализацией молодежи и ресоциализацией тех, кто прошел сквозь суровое «горнило войны» (инвалидов и пр.).

Еще одна проблема, о которой нельзя не сказать – проблема коммуникации. Прежде всего, между «Большой Украиной» и теми проукраинскими гражданами, которые остались на оккупированных территориях. И хотя на свободных от оккупации территориях бытует мнение, что «все кто были за Украину, уже уехали», однако это лишь удобная для сохранения собственной психики конструкция, позволяющая не замечать очевидного – там осталось множество людей, которые искренне любят свою страну и не хотят жить при «захарченках» и «плотницких». Там все еще огромное количество думающих, критически мыслящих людей (учителей, ученых, деятелей культуры и многих других), с которыми не просто можно, но нужно поддерживать кон-

такт – хотя бы для того, что бы они не чувствовали, что их страна их бросила. Мы не можем позволить себе «разбрасываться» своими гражданами, так же как не можем позволить «дарить» территории беспринципному соседу-агрессору.

Однако это все проблемы Украины. Но ни России, ни Западу (прежде всего, нашим европейским партнерам) не удастся обойти по краю эту «черную дыру» – для всех она может стать моментом истины.

В бесконечном поиске себя (вместо выводов)

Мы оказываемся на сложнейшем распутье, где интересы участников часто расходятся почти диаметрально, причем на каждого из них давят внутренние проблемы, порожденные все той же «черной дырой» Донбасса и порой, как ни странно, самими перспективами решения этой проблемы.

Украина в этом вопросе занимает, пожалуй, наиболее последовательную позицию. Минские соглашения (каковы бы они не были) при их полноценном выполнении могут открыть путь для политического урегулирования кризиса как такового. Проблема в том, что наши оппоненты в лагере боевиков и в Москве собираются выполнять их в произвольном порядке и лишь так, как им удобно. Мы уже сделали просто огромный вклад в мирное разрешение кризиса, когда согласились начать дискуссию в политической группе. Но это не означает, что забыты изначальные пункты Минских договоренностей, согласно которым сначала должны быть прекращены обстрелы, отведены тяжелые вооружения, а с территорий Донецкой и Луганской областей должны быть выведены иностранные наемники и войска.

Без этого шансы на то, что нам действительно удастся найти мирный путь весьма туманны и призрачны. И конечно, никаких выборов без выполнения этих условий там тоже быть не может.

В стратегическом смысле Украина уже рассматривает оккупированные территории и свою политику в их отношении со значительно более реалистических позиций, чем это было ранее. Безусловно, мы не собираемся отказываться от них и будем до конца отстаивать целостность Украины, но это не означает, что мы готовы играть по чужим правилам.

И здесь явно не место дискуссии о пресловутом «особом статусе», о котором так пекутся боевики-сепаратисты – речь может идти лишь о некоторых особенностях местного самоуправления. Если в Москве надеются, что прикрываясь разговорами об «особом пути» и «особом статусе» им удастся взвалить на Киев все экономические последствия восстановления Донбасса, в то время, как политические действия будет определять Москва, – то это еще большее и серьезное заблуждение Кремля, чем продолжение его оценок Украины и ее потенциала с позиций 2013 г., а не сегодняшнего дня.

В этом Украина будет готова идти по самым жестким сценариям, вплоть до сценариев «Стены», где сепаратисты и Кремль останутся наедине друг с другом. Именно на недопущение подобного сценария развития событий сегодня и направлены вся политика и пропаганда Москвы. Ведь даже если бы завтра Украина провела соответствующий референдум (для чего, правда, требовались бы очень существенные изменения не только в национальном законодательстве, но и на международном политико-правовом уровне), первой с протестом выступила бы именно Москва. Ведь принять ДНР/ЛНР на свое полное содержание/обеспечение и взять на себя ответственность за восстановление их территорий – это экономическое самоубийство России. Даже Крым, который Россия аннексировала в куда более благоприятных условиях почти без единого выстрела и без каких-либо разрушений, она «вытянуть» не в состоянии – дотации Крыму регулярно сокращаются, а недовольных там становится все больше (не спасает даже традиционная мантра о том, что «зато у вас не как на Донбассе»).

Однако, кроме Украины и России в данном конфликте глубоко задействованы и иные страны, отношения между которыми, а также их стратегические задачи так же влияют, в конечном итоге, на урегулирование кризиса.

Мы бесконечно благодарны ЕС за их единую позицию по украинскому вопросу и хорошо понимаем, как сложно им это зачастую дается. Однако все же заметно, что ЕС испытывает дискомфорт от санкционного противостояния и ищет пути для деэскалации в этом вопросе, в том числе – привязывая его к Минскому процессу и уступкам со стороны Киева. Однако сдвиги здесь все равно невозможны до тех пор, пока Россия не откажется от конфронтационной риторики и поддержки сепаратистов и не начнет процесс реального мирного урегулирования. В тоже время Россия, даже если бы хотела пойти по этому пути, потребует в обмен гарантии по Крыму, которых Европа (да и весь цивилизованный мир) ей дать не может.

«Единожды солгав, кто тебе поверит»

Единожды закрыв глаза на явное нарушение ключевых международных принципов сложно рассчитывать, что их будет кто-то (а прежде всего – сама Россия, не раз проявлявшая свои неоимперские амбиции территориального характера) придерживаться в дальнейшем. А значит, серьезный нарушитель (в данном случае – та же Россия) должен понести серьезную же кару. Это противоречие между эгоистическим желанием ЕС урегулировать отношения с Россией, но при этом невозможность отказаться от нормативной позиции, связанной с Крымом и Донбассом, ставит не только Брюссель, но и многие европейские столицы в сложное положение.

Во многом отсюда и постепенный рост давления ЕС на Киев в вопросе осуществления на-

ми постоянных односторонних «авансовых» шагов в Минском процессе, даже если эти шаги никак не связаны с симметричными шагами оппонентов. То, что в процессе выполнения этих договоренностей (особенно в одностороннем порядке) Украина может оказаться на десятилетия втянута во всеобъемлющий кризис разной степени интенсивности, ЕС волнует значительно меньше.

Однако и здесь существенного прогресса ЕС достичь не удалось, прежде всего – ввиду желания Москвы все же навязать европейцам свою игру и добиться полных уступок по всем ключевым для Кремля вопросам. Собственно, это традиционная тактика советской и российской дипломатии, сводящаяся к занятию бескомпромиссной позиции и придерживания ее до последнего³. (Вспомним хотя бы приснопамятного советского министра А. Громыко – пресловутого «мистера Нет», которого американские дипломаты сравнивали с бормашиной.)

Цель подобной «бескомпромиссной позиции» – побудить противоположную сторону самой найти обоснование предложению, которое большинство из визави России считали поначалу неприемлемым.

Однако эта тактика сегодня ведет лишь к усугублению конфронтации России с Западом, а значит, новая «холодная война» становится все реальнее.

Говоря о последнем, следует понимать, что обе стороны (Запад и Россия) подходят с разным видением своей успешности в нынешней «Холодной войне» – и с разным ресурсом. Российские элиты не делают из этого большой проблемы (как минимум – на тактическом уровне), надеясь на общий геостратегический реванш⁴. При этом они считают, что новая холодная война будет развиваться по законам «старой» холодной войны, а себя Россия считает полным аналогом СССР, извлекаям надлежащие уроки и проработавшим ключевые ошибки. Однако это в принципе неверно. Россия многократно слабее Советского Союза (прежде всего ресурсно и территориально), ее зависимость от мировой экономики еще большая, чем была у СССР, поэтому шаги Запада по экономическому давлению на Россию еще более эффективны. К тому же российское руководство упускает из виду самое главное: СССР, несмотря на весь приписываемый ему огромный потенциал, проиграл эту войну. И во многом «добила» его именно гонка вооружений. То есть именно то, на что сейчас пытается сделать ставку сама Россия.

³ Шерр Дж. Жесткая дипломатия и мягкое принуждение: российское влияние за рубежом : пер. с англ. / Королевский институт международных отношений Chatham House, Центр Разумкова. – К. : Заповіт, 2013. – С. 69.

⁴ Горбулін В. П. «Гібридна війна» як ключовий інструмент російської геостратегії реваншу // Стратегічні пріоритети. – 2014. – №4. – С. 5-12.

Показательно, что единственную угрозу, которую смогла противопоставить Россия экономически развитому Западу, это регресс к методам XIX-XX столетий, то есть к банальному «бряцанию оружием». В то время, как развитые страны решают свои конфликты и противоречия в иных пространствах (экономическом, культурном, информационном, гуманитарном), Россия смогла всему этому противопоставить лишь мертворожденную идею «русского мира» (который в рафинированном виде может выродиться лишь в православный панславянский фундаментализм и на определенном этапе может быть вообще запрещен в развитых странах так же, как и нацистская идеология), с одной стороны, и угрозу все обратить «в ядерный пепел», скатываясь к риторике Северной Кореи, – с другой.

В итоге все это вновь упирается в решение проблемы «черной дыры» Донбасса и поиск путей выхода из нее для всех основных субъектов. Однако здесь главной проблемой является нежелание сторон постараться взглянуть на ситуацию со стороны.

Ситуация не то что бы зашла в тупик, но очень близка к этому. Системное нежелание Москвы и ее подопечных – боевиков-сепаратистов ДНР/ЛНР вести разумные диалоги по мирному урегулированию создают патовую ситуацию «бесконечного тупика», из которого практически не видно выхода. Проблема еще и в том, что это накаляет ситуацию не только в зоне проведения АТО, но и на общем геостратегическом уровне – разворачивания новой холодной войны с неясными перспективами для всех ее участников. Европа все еще пытается верить в то, что ситуацию можно вернуть к «как было», но это невозможно – за прошедшие полтора года Украина слишком много пережила и слишком дорогой ценой получила этот урок «реал политик» чтобы вернуться к старому.

Многих сегодня беспокоит, что будет 1 января 2016 года, поскольку Минские соглашения были рассчитаны именно до этого периода, а за ними – вакуум политических договоренностей. И нам действительно нужен разумный план действий на эту перспективу. Четкий, реальный и взаимоприемлемый.

К сожалению, традиционная практика государственного управления в Украине – делать вид, что проблем завтрашнего дня либо не существует, либо они настолько далеки, что думать о них просто незачем. Между тем эти проблемы можно и нужно решать уже сегодня. «Неправда угнетает и противодействует», – указывал Григорий Сковорода, – но тем больше желание бороться с ней». И нам сегодня это необходимо делать ради самого выживания страны, более того – ради того, чтобы было за чем выжить и жить далее.